

Статьи о творчестве и биографии А.С. Пушкина

МИХАИЛ ГЛАДИЛИН

НАГОРНЫЕ ТРОПИНКИ

Михаил Сергеевич Гладилин

Нагорные тропинки.

Статьи о творчестве и биографии А.С. Пушкина

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34116990

Нагорные тропинки. Статьи о творчестве и биографии А.С. Пушкина:

ИПО «У Никитских ворот»; М.; 2017

ISBN 978-5-00095-312-9

Аннотация

Впервые собраны вместе статьи автора о творчестве и биографии Пушкина. Основное внимание уделено содержанию произведений: прозы, драм и поэм нашего поэта, выявлению основных смыслов, образов, поступков героев и персонажей. И главным в прочтении пушкинских строк является нравственная сторона жизни человека, закономерности в его судьбе, которая существует и осуществляется в определенных общественных, политических, а также иных обстоятельствах и условиях. Наличие в пушкинском повествовании неприметных деталей, указывающих на скрытые и тайные мотивы, отдельные факты или события позволили автору по-новому увидеть и узнать знакомые произведения. Пусть некоторые мысли и представления автора

покажутся читателю дискуссионными, но такими они сложились в продолжение многолетней исследовательской работы.

Содержание

Предисловие	6
Этическое содержание драмы «Борис Годунов»	9
«Грабь и казни...»	9
«Погибель иль венец»	19
«Державные печали»	25
«Он наготой своею посрамится»	30
«Народ безмолвствует...»	35
«За славу, за добро...»	41
Образ Петра в поэме «Полтава»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Михаил Сергеевич
Гладилин
Нагорные тропинки.
Статьи о творчестве и
биографии А.С. Пушкина**

© Гладилин М.С., 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

* * *

*Посвящаю маме моей, Гладилиной Марии
Дмитриевне*

Предисловие

Впервые в одной книге собраны статьи о творчестве и биографии Пушкина, написанные автором за последние годы и прочитанные на различных семинарах и конференциях. Уже в дальнейшем отдельные работы были дополнены и значительно расширены.

Основное внимание в книге уделяется анализу прозы Пушкина, поэм и драматических произведений, выявлению их содержания, поиску главных и отличительных смыслов в понимании пушкинских произведений, их нравственных основ и опор. Дело это оказалось весьма увлекательным и даже загадочным, так как при неоднократном прочтении пушкинских страниц вдруг обнаруживались неожиданные детали и находки, заново открывавшие уже, казалось бы, знакомые строки.

Может, для читателя что-то в книге окажется уже известным, но что-то автору пришлось пересмотреть и увидеть в пушкинских текстах совершенно новое, опрокидывающее традиционное представление о пушкинских произведениях.

Сегодня, на очередном переломе и перепутье идейных, политических, моральных взглядов и противоречий необходимо объективно обратиться к опыту и творчеству, исканиям и жизненным обстоятельствам нашего национально-

го гения. Каждое художественное произведение по-своему и по-особому заключает и выражает множественность идей их автора. И, возможно, сегодня важнее окажутся не доводы строгой или формальной научности, а собственный личный и честный взгляд читателя-исследователя на важнейшие для него литературные произведения, на существующие в них философские, общественные и художественные явления. В этом случае литература продолжает учить нас, помогает находить ответы на разные жизненные вопросы, поддерживает нас в бурных течениях и качаниях нашего житейского моря.

Так вышло, что автор лично обязан многим Пушкину. Личность нашего поэта, его творчество, сопрягающее «землю и небо», дух его поэзии и познания помогли автору сформироваться и как человеку, и как исследователю. И такое, как я вижу, нередко происходит с другими людьми.

Название книги взято автором из «Капитанской дочки», из того места, когда Петр Гринев защищает на дуэли со Швабриным честь своей возлюбленной. «Я стал с живою на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся, и увидел Савельича, сбегающего ко мне по нагорной тропинке...». Голос Савельича, слуги и «охранителя» барского дитяти, спас Петра Андреевича от надвигавшегося на него душегубства, от нанесения удара своему противнику. Слово «нагорный» напоминает нам одно важное евангельское

событие: Нагорную проповедь Христа. Вот с каких высот спускался Савельич и спасал бедное дитя.

У нас есть свои «нагорные тропинки» и свои охранители. К ним, на их смелый и правдивый голос мы должны повернуться, по этим тропинкам восходить, чтобы на доступной нам высоте мы могли встретиться. Нам всем надо друг с другом встретиться.

Этическое содержание драмы «Борис Годунов»

«Грабь и казни...»

Образ Годунова – главнейший в пушкинской драме, и каким он предстанет перед нами, таким во многом сложится наше представление о произведении. Каков же он, царь и человек Борис Годунов?

Вступая на царский престол, Годунов произносит необходимую для правителя тронную речь, в которой утверждает свои права на власть: он «наследует могущим Иоаннам», он «избран народной волей», он также получил на власть «священное благословенье». И здесь же Годунов говорит избравшему его «народу», каким правителем он будет:

Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.

Но уже перед этой речью мы узнаем, что «царевича сгубил Борис». Об этом знает отец Пимен в кремлевском патриаршем монастыре, юродивый Николка, это известно боярам в окружении Годунова. То есть и для автора, и для его читате-

лей нет сомнения, что Годунов повинен в убийстве цареви-
ча. Шуйский дает Годунову следующую характеристику:

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха.

Пушкин, выстраивая факты биографии и царской « карье-
ры» Годунова: «вчерашний раб», «зять палача», убийство
Димитрия, – указывает на еще одно право на власть, необ-
ходимое и важное для того, чтобы стать настоящим прави-
телем, – моральное право. И таких моральных прав у Году-
нова нет. По своим нравственным основаниям он не может
и не должен «властвовать» над людьми и над страной. Как
же в действительности правит Годунов? Пушкин, персонаж
в драме (и именно Пушкин!), не боится признаться Шуйско-
му:

...он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
.....
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там – в глуши голодна смерть иль петля.

Человек, через злодеяния пришедший к власти, и на тро-

не остается царем-злодеем.

Из монолога «Достиг я высшей власти...» мы узнаем о личных горестях и несчастиях Годунова: царя, отца, человека. Раскрытие автором внутренних переживаний и мучений главного персонажа является существенной стороной всей драмы: Годунова настигает наказание в лице его собственной совести. Его состояние можно определить как «больное» и «адское». Ему «плохо» и «дурно», потому что он делал плохое и дурное, и потому люди признают его «плохим». Он хоть и делал благодеяния народу, но никак не даром, и взамен хочет народной любви: «Они ж меня, беснуясь, проклинали!».

Вся трагедия, убийственная трагедия для Годунова заключена в том, что его достижение «высшей власти» оборачивается падением и низвержением его в душевную «преисподнюю», где есть боль, и душевная мука, и горькая неодолимая смерть. Но своими злодеяниями Годунов вверг страну и народ в бедствия и вражду. И в этом, пожалуй, главная воспитательная идея драмы, сочиненной Пушкиным: неправедная власть не приносит блага и счастья ни самому правителю, ни его народу.

Годунов находится в глубоком нравственном кризисе, он не может, не готов нести царское бремя и нуждается в духовной помощи. И обращается он не к «святым отцам» и патриарху, а к «гадателям и колдунам». Слова Шуйского:

Ты милостью, раденьем и щедротой
Усыновил сердца своих рабов

звучат иронично и являются только лестью, столь необходимой тщеславию Годунова. Появление соперника, Лжедмитрия, еще более ужесточило действия царя Бориса, окончательно ввергло его в тиранство. В сцене «Севск» пленник, московский дворянин, так описывает Лжедмитрию, что творится в Москве:

...о тебе

Там говорить не слишком нынче смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову. – Такая, право, притча,
Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.
На площади, где человека три
Сойдутся – глядь – лазутчик уж и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам.

Надо отметить, что такая, несколько однозначная характеристика деятельности Годунова у Пушкина не вполне справедлива к историческому Борису Годунову, но таков пушкинский замысел: «я смотрел на него с политической точки зрения, не замечая его поэтической стороны». «Темные деяния» Годунова, его внутренняя борьба с ними, их последствия, отношение к злодеяниям царя его окружения и наро-

да – главные вехи в сюжетном развитии драмы. И в итоге у Пушкина Борис Годунов после шести лет своего жестокого правления признается, говоря Басманову:

Нет, милости не чувствует народ;
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже.

Вместо обещанного народу: буду «благ и праведен» – приходит «грабь и казни». И сразу после этих слов Годунов чувствует себя плохо и умирает. То есть именно с подобным убеждением, что должно «грабить и казнить», убеждением бесчеловечным, и наступает смерть для человека. И столь же значимо для Пушкина, в каком облики смерти настигла Годунова:

На троне он сидел и вдруг упал;
Кровь хлынула из уст и из ушей.

Пушкин выбирает для Годунова символическую смерть: он настолько «напился и наполнился» чужой кровью, что она заполонила его всего. Годунов не просто умирает, он гибнет от собственных злодеяний, и это одна из важных нравственных мыслей пушкинской драмы. Пушкин пишет несколько раз в ремарке, где названы действующие лица, – Борис, но уже в тексте драмы указывает: царь. Царь, трон, власть уничтожили человека по имени Борис. Смерть – она оконча-

тельно подводит итог и утверждает, что в жизни истинно, а что нет. Оказавшись на престоле, Годунов так и не стал настоящим правителем, оказавшись таким же самозванцем и самовластцем, как его соперник. Есть еще одна деталь: Годунову стало плохо, когда он сидел на троне и принимал «гостей иноплеменных». Сыну он наказывает:

Будь милостив, доступен иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.

К иноземцам должно быть «милостивым», а своих людей должно «грабить и казнить».

Не могу не привести строки из стихотворения «Стансы» 1826 года, в котором выражаются представления Пушкина о подлинной и праведной власти, о настоящем правителе.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,

Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Годунов смертельно болен, он болен смертью, но у него есть еще краткое время, и что он сделает, что пожелает он сделать последним в своей жизни, кого он позовет перед смертью? Ктото начинает выкрикивать и тем самым указывать на его возможные действия: «за лекарем», «скорее к патриарху», «духовника». Но вот выбор царя сделан – «царевича, царевича зовет».

Годунов говорит сыну:

Я подданным рожден, и умереть
Мне подданным во мраке надлежало;
Но я достиг верховной власти – чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь.

В чем истинные права человека на власть и в чем «право-та» власти, мы уже говорили. Отметим, что в последних словах Годунова нет раскаянья, а в самом начале драмы Воротынский «вопрошает» и указывает нам: «Слушай, верно губителя раскаянье тревожит».

О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно.

«Ложное обольщение», «добровольная слепота» – эти слова Годунова обращены и к нему самому. Не собственный нравственный опыт передает отец, а царь Годунов учит молодого царя хитроумным приемам царствования, как можно усидеть на троне и управлять народом, усмирять его и держать в повиновении. Только таким может быть завещание человека с убеждением «грабь и казни». И делает Годунов сына царем только для себя, желая сохранить и продлить в нем свое царское величие и превосходство. И тем он оказывается повинен в скорой гибели своего сына. И как он, Борис Годунов, вступив на престол, не стал настоящим царем, так, родив сына, не стал ему настоящим отцом. Вот в чем личная трагедия этого не скажу умного, но одаренного и хитрого, нравственно несостоявшегося человека. Отметим здесь одну интересную деталь: Годунов заканчивает разговор наедине с сыном словами: «Я чувствую могильный хлад...» – и Пушкин ставит многоточие, то есть пауза, и далее автор указывает в ремарке, в скобках – «Входит патриарх, святители, за ними все бояре. Царицу ведут под руки, царевна рыдает». Патриарх входит без приглашения, но очень вовремя, когда разговор с сыном окончен, и, конечно же, он подслушивал их разговор. И уже к концу своего прощания Годунов обращается к «придворному окружению».

Друзья мои... при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!

Он так еще и млад и непорочен.
Клянетесь ли?

Б о я р е

Клянемся.

«Друзья мои...», «служить усердием и правдой» – звучит неискренно и неуместно. А ведь только что говорил он сыну:

Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глас измена не дерзала.

Годунов прибегает к самым надежным нравственным ценностям лишь как к средству удержать за сыном власть. И вновь вспоминается им обещанное: буду «благ и праведен». Но не исполнил, и бояре вскоре с легкостью изменят клятве и присягнут Лжедмитрию.

Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные и тайные обиды...
Святой отец, приближься, я готов.

Чужое прощение не поможет без собственного раскаянья, признания своей неправоты как начала исправления. И все слова прощения для Годунова лишь внешние атрибуты, выполнение последней обязанности, как и последующий за этими словами «обряд пострижения» в монахи. А «святой

отец» только молчаливо сопровождал нераскаявшегося грешника к «престолу Божию».

«Погибель иль венец»

Теперь рассмотрим не менее важный образ в произведении: Григория Отрепьева. И первая сцена, к которой мы обратимся, – «Корчма на литовской границе». Варлаам подсказывает нам, что именно, переступая границу, теряет «беглый инок» Григорий:

Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли.
Все равно... было бы вино.

Он оставляет Родину, а также отказывается и от родного имени. Пушкин указывает в начале сцены, в ремарке: «Григорий Отрепьев, мирянином». Но, после того как он переходит «границу», некую нравственную черту, Пушкин в дальнейшем отказывает ему в личном имени и называет его постоянно самозванцем, только дважды делая исключение, называя Димитрием, на что есть свои причины. Убежав из монастырского заточения, на воле, под собственным именем, «мирянином», ни в чем еще не виновный, возле границы он еще может распорядиться собой иначе. Но он сам, зачитывая указ о своей поимке, подставляет под свое имя черты другого человека. Отказ от имени у Пушкина нередко равносителен отказу от собственной человеческой сущности, своей личности. И здесь же, на границе, происходит еще одно важное

обстоятельство: Отрепьев совершает первое свое злодеяние, подставляя вместо себя и обрекая на гибель другого человека. Самозванство неминуемо ведет к злодейству.

Теперь иду – погибель иль венец
Мою главу в России ожидает...

И венец, и погибель ждут самозванца в России, как и Бориса Годунова.

Найду ли смерть как воин в битве честной
Иль как злодей на плахе площадной.

И смерти «честной» ему не найти, потому что битву затеял нечестную. Эта сцена в корчме следует сразу за знаменитым монологом царя Бориса: «Достиг я высшей власти...», где он жалуется на все свои несчастья, и это как предупреждение молодому человеку о его будущем. Григорий Отрепьев только вступает на свой самозванный путь, а Борис Годунов уже в конце его – эти две фигуры композиционно близки и дополняют друг друга.

Следующая сцена, к которой мы обратимся, – свидание самозванца с Мариной Мнишек: «Ночь. Сад. Фонтан». Само название сцены предполагает что-то романтическое и любовное. Действительно, молодой самозванец влюбляется в польскую красавицу и, естественно, хочет, чтобы любили его, Григория Отрепьева, но никак не царевича Димитрия,

имя которого он себе присвоил. И любовь призывает его открыться перед Мариной, и любовь может еще остановить, отвратить его от самозванства, вернуть ему имя и достоинство:

Виновен я: гордыней обуянный,
Обманывал я Бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить...
Любовь, любовь, ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

Отметим, что избранница Отрепьева, по выражению одного кавалера, «мраморная нимфа, глаза, уста без жизни, без улыбки». Григорий покаялся перед возлюбленной, и если бы Мнишек поддержала его чувствительные намерения. Но ей нужен не беглый инок, а царевич Димитрий. И самозванец отказывается от любви, жертвует любовью ради царского трона и Марины. Сцена заканчивается словами: «Она меня чуть-чуть не погубила», – но именно Марина Мнишек окончательно губит его, утвердив самозванца в ложном желании. И вот, лишившись Родины, родного имени, любви, готовый к злодеяниям, он вновь на границе и вновь, уже вооруженный войском, переходит невидимую и окончательную черту, за которой его ждет «венец и гибель».

Кровь русская, о Курбский, потечет!
Вы за царя подняли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу.

Пушкин не доводит самозванца до Москвы, оставляя его после сражения в лесу, спящим. А впервые мы видим Григория в келье – тоже спящим. Опять пушкинская аллегория нравственного неразумия и нравственной слепоты юного самозванца. А ведь когда-то, находясь в келье, он мог избрать себе иную судьбу, прислушавшись к словам отца Пимена:

Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю...

О послушнике Григории игумен говорит патриарху:

и был он весьма грамотен: читал наши летописи,
сочинял каноны святым; но, знать, грамота далась ему
не от Господа Бога.

А «далась» грамота Отрепьеву, если верить его словам, от «пономаря». И необходимо отметить этого скромного средневекового деятеля просвещения, обучающего людей чтению, началам человеческого познания и развития. А вот патриарх «иных грамотных» не жалуется и восклицает, узнав о

бегстве Григория: «Уж эти мне грамотеи!». Один из бродяг-чернецов грамоту «смолоду знал, да разучился», зато другого и вовсе «не умудрил Господь». Не любит патриарх «грамотеев», и среди монахов их немного. Два гулящих инока, Варлаам и Мисаил, бродяжничают, блуждают по жизни, ни к чему и ни в чем не укрепившись, также подойдя к некоей черте, «границе», также став самозванцами. И не так уж безобидны эти веселые и беззаботные «старцы», в особенности Варлаам, (имя которого означает «сын народа халдейского»), устрашающе указывающий: «когда я пью, так трезвых не люблю». Вином подпаивает Шуйский своих гостей, причем перед «последним ковшом» для всех читает «молитву мальчик», и она, молитва эта, уподобляется состоянию общего опьянения. С пьянством сравнивает Пушкин жажду власти у Годунова: «что пьяница пред чаркою вина». А после принятия власти Годунов сзывает народ, «от вельмож до нищего слепца» на пир. Вино и страсть к вину становятся метафорой политического и нравственного опьянения.

Ну, что ж? как надо плакать, Так и затих! Вот я тебя! вот бука!

Плачь, баловень!

(Бросает ребенка об землю. Ребенок пищит.)

Ну, то-то же.

Мать, настоящая мать не бросает своего ребенка «об землю». И Пушкин пишет: «баба» – и кем она приходится ре-

бенку, мы не знаем, но она самозванная мать.

В другой сцене двое из народа на притворство и самозванство властей сами столь же искусно притворяются.

Один

Все плачут,
Заплачем, брат, и мы.

Другой

Я силюсь, брат,
Да не могу.

Первый

Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.

Второй

Нет, я слюней помажу.

«Державные печали»

Рассмотрим образ еще одного царя в произведении – Феодора Иоанновича.

Наследую могущим Иоаннам –
Наследую и ангелу-царю!

Об «ангеле-царе», Феодоре, Шуйский говорит так:

А что мне было делать?
Все объявить Феодору? Но царь
На все глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова.

«Ангел-царь» отстранился от царских дел, а все державные заботы передал шурина Годунову.

А сын его Феодор? На престоле
Он вздыхал о мирном житие
Молчальника.

Инок Григорий желает стать царем, а царь Феодор хочет быть иноком и «царские чертоги преобразил в молитвенную келью». Но если ты на троне, то ты царь и несешь все тяготы царских трудов ради общего «блага и праведности», а если

ты в келье, то ты инок и ищешь «мирного жития молчальника». Прислушаемся и приглядимся к тому, что рассказывает о трех царях старец Пимен. В начале своего рассказа Пимен говорит о чувствах Иоанна Грозного, «алкающего спасенья» и желающего оказаться в монастыре:

Прииду к вам, преступник окаянный,
И схиму здесь честную восприму.

Царь Иоанн по-своему кается, признается в совершенных преступлениях. И Григорий, напоминая Пимену о его прежней жизни, подсказывает нам о заслугах Грозного перед державою:

Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!

Образ царя Иоанна Грозного оказывается иным, нежели царя Бориса Годунова, и предстает перед нами неожиданно правильным в сравнении с Годуновым и Феодором: он дело свое царское знает и делает, а в злодеяниях своих раскаивается. И далее Пимен говорит о царе Феодоре:

...Он царские чертоги
Преобразил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали

Святой души его не возмущали.

Так где же, в чем же «святость» для человека: в исполнении своих тяжких державных трудов или в уходе от них и их забвении ради своего покоя? Следующие слова Пимена:

Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась...

– также имеют свой подтекст и возражение: слава не может быть безмятежной, к тому же мы, читатели, знаем, что стало с Русью вслед за таким «правлением», а из слов Годунова к сыну узнаем, кто и зачем обеспечил народу «утешение»:

...Я нынче должен был
Восстановить опалы, казни – можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.

Надо отметить, как Пимен повествует о некоем чуде во время кончины Феодора, когда к нему явился «муж необычайно светел», с которым Феодор стал беседовать и называть его «великим патриархом». Для чего автору нужно описание этого, по словам Пимена, «небесного видения»? А здесь есть

важное обстоятельство, которое касается патриарха.

Зане святыи владыко пред царем
Во храмине тогда не находился.

Какой же видится нам сцена кончины царя Феодора? Феодор так желал принять монашеский сан – и теперь, на смертном одре, называет и призывает «великого патриарха», но патриарха нет рядом с ним, и он умирает, не получив от него желаемого. И эта кончина Феодора перекликается с кончиной Годунова, где патриарх, наоборот, подслушивает, что говорит умирающий царь сыну, и приуготовляет для него схиму, которая для него никак не важна и не нужна. Нетрудно понять, где и с кем находится патриарх, когда умирает бывший царь – он рядом с будущим царем и, как мы узнаем, сам готовит и уже, наверное, обсуждает с ним пути достижения Годуновым царского трона. И Пимен в своем рассказе тут же переходит к Годунову:

Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Но ведь царь-«цареубийца», Борис Годунов, вырос у прежнего царя-«молчальника», еще одного царя-самозван-

ца.

«Он наготой своею посрамится»

Вернемся к самому началу пушкинской драмы, «московской беде», как ее первоначально предполагал назвать Пушкин.

Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.

И чуть далее, в той же первой сцене:

Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли.

И уже во второй сцене, в самом начале «один» из народа говорит:

Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц:
Его страшит сияние престола.

Такое внимание к патриарху с первых же строк не случайно. Это патриарх ведет «народ московский» к Борису Годунову «уговаривать» взойти на царский престол. Мы, читатели, уже знаем, каким правителем окажется Годунов и что

произойдет с царством, царем и его подданными. И возникает вопрос, а знает ли патриарх об убийстве царевича Димитрия, что он думает, «святой отец», «святой владыка», о Борисе Годунове, о человеке, перед которым он и все святители «пали ниц». У Пушкина все самозванцы разоблачают себя сами тем, что они говорят и что делают, или тем, что не делают того, к чему призваны, кем себя наименовали.

Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:
Но стоит лишь ее раздрать – и сам
Он наготой своею посрамится.

Эти слова патриарха применимы ко всем наряженным в чужие ризы. Патриарх разоблачает себя своим рассказом о чуде со слепым старцем. Сомнительность рассказанного патриархом чуда уже обнаруживается в том, что, по его словам, слепой старец является пастухом. Слепой пастух – метафора самая определенная, и она лишь указывает на самого патриарха как на «слепого пастыря». В его рассказе о слепом пастухе еще много неожиданного:

Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной темны очи;
Не посылал господь мне исцеленья.
Вот наконец утратил я надежду.

Только сохранивший надежду достоин, по христианской вере, чуда, но никак не потерявший ее. А если потерял, то обители уже не святы и вода в них не целебна и не чудотворна.

Иди, старик. – Проснулся я и думал:
Что ж? может быть, и в самом деле Бог
Мне позднее дарует исцеленье.

На прямой призыв «детского голоса» во сне – «иди» – реакция старика явно не доверительная и не благостная, он сомневается, и сомневается несколько карикатурно: вот проснулся, подумал, что называется, почесал в затылке – «что ж? может быть, и в самом деле Бог мне позднее дарует исцеленье». Другим важным разоблачительным словом, и нередким словом в пушкинской драме, является слово «гроб».

...я внуку

Сказал: Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия. – И мальчик
Повел меня – и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И Божий свет, и внука, и могилку.

Молитва воздается святому, а не его гробу, и ни гроб,

ни могилка не могут исцелить. Слепой старик и его внучок Иван, оба перед могилкой Димитрия, убиенного мальчика, – так о чем же старик и дед должен попросить убиенного мальчика: о своих глазах или... о судьбе своего внука? О чем надо подумать в старости: о «позднем исцелении», как говорит сам старик, или о будущем своего внука? И что же это за «детский голос», которого слушается «в глубоком сне» старик? Уже старик – а все еще слушается «детских голосов», уже дед – а о внуке не думает, глаза исцелил, но так и не прозрел, хотя патриарх называет его «маститым старцем». «Святой владыко» придумал эту историю с чудом прозрения слепого пастуха ради усиления своей церковной власти.

Притворствоваться пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит.

Так учит pater Черниковский самозванца Димитрия, так поступает и патриарх. «Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли, все равно...». Патриарх тоже является в этой исторической драме самозванцем, и потому Пушкин лишает его подлинного человеческого имени, сделав патриарха лицом безымянным.

Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! Буду царем на Москве! Ах он, сосуд дьявольский!.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

Игумен

Ересь, святыи владыко, сущая ересь.

К царскому «грабь и казни» прибавляется патриаршее «суди и ссылай». Но ведь и «грамотей» Годунов когда-то сказал: «Буду царем на Москве», – и стал им. И помог ему в этой «ереси» патриарх. Сам повинен в «ереси» и поэтому кого-то другого так рьяно клеймит; и обязательно заставить кого-то другого это подтвердить: «Ведь это ересь, отец игумен?». Откуда игумен узнает о самозванстве Григория и его желании «быть царем на Москве»? В Литве Отрепьев во время болезни «открывается» своему духовнику и называет себя Димитрием. То есть он уже в монастыре использует исповедь для своей «дезинформации». Но патриарх не решается говорить об этой новости царю, хотя на литовскую границу посланы заставы и приставы действуют по «царскому указу». Царь еще не знает о самозванце, а по его приказу ловят «еретика» Отрепьева – вот насколько распространилась власть патриарха на дела государевы.

«Народ безмолвствует...»

Вернемся ко второй сцене, где дьяк Щелкалов обращается к народу:

Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.
Заутра вновь святейший патриарх...

И как складно получилось, что именно на «последнюю просьбу» дал согласие Годунов. Опытный царедворец Шуйский приоткрывает нам «предвыборную технологию» Годунова и его окружения во главе с патриархом:

Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей

(именно «по милости своей» берет Годунов царский трон)

Принять венец смиренно согласится.

И в этом же разговоре с Воротынским Шуйский опять говорит:

Что ж?

Когда Борис хитрить не перестанет...

Давайте послушаем слова дьяка Щелкалова к народу. Какими теперь глазами увидим мы всю эту эпическую картину, зная наперед, кто это все устроил и для чего, и что свершится, какая общая беда придет после этих всенародных хождений:

Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле торжественно отпев молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвигется, а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди,
И весь народ московский православный –
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сирью Москвой
И на венец благословит Бориса.
Идите же вы с Богом по домам,
Молитесь – да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.

Но есть человек, который возражает таким призывам, – юродивый Николка:

Нет, нет, нельзя молиться за царя Ирода –

Богородица не велит.

Также и отец Пимен в келье за всех раскаивается в подобном выборе.

Интересно, что эта сцена называется «Красная площадь», и дяк Щелкалов призывно обращается к народу «с красного крыльца». Не знаю, какое красное крыльцо на Красной площади имел в виду Пушкин, такового нет сегодня на Красной площади, но оно есть на Соборной площади в Кремле. Думается, что Пушкин такой «ошибкой» привлекает наше внимание и усиливает контраст и сравнение с тем, что происходит и где это происходит. На Красной, то есть красивой площади, с красного, то есть красивого крыльца звучат обманные и лживые речи. Еще раз услышим самозванца, стоящего у границы:

Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу.

Ко всему прочему, самозванец попирает красоту, святыню русскую, «красную Москву» отдает на разграбление врагам.

Эту сцену на Красной площади Пушкин заканчивает ремаркой: «народ расходится». И эта ремарка перекликается с ремаркой в самом конце драмы:

Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь

Димитрий Иванович!

Н А Р О Д *безмолвствует.*

Из истории мы знаем, что на этот раз скажет народ. Но пушкинское «народ безмолвствует» существует и обращено также к нам и нашему будущему, к нашему читательскому сознанию. Эти сцены хождения народа с молебнами и иконами к Годунову должны вызывать у читателя, знающего страшные последствия смуты и интервенции, горькое чувство неправды и безумия. Как и эпизод в доме у Шуйского, когда мальчик читает для гостей верноподданническую молитву во славу Годунова, кровавого царя. И не эту ли молитву «сочинил» инок Григорий, находясь в Чудовом монастыре, и уж не этот ли «мальчишка», наученный льстить и лгать, отбирает копеечку у юродивого? В этой сцене, «Площадь перед собором в Москве», где появляется юродивый, заключено многое важное для пушкинской драмы. На обман и насилие самовластья зреет в народе справедливое несогласие и возмущение: «Вот уж им будет, безбожникам». Готовится кровавый и беспощадный бунт. Здесь же рядом с «мальчишками» появляется «старуха»: то есть соединяется начало и невинность жизни с ее старостью и осознанием своей греховности. Просит старуха: «Помолись, Николка, за меня грешную». Но почему кто-то другой должен молиться за ее грехи? «Дай, дай, дай копеечку», – отвечает, троекратно усиливая слово «дай», блаженный Николка. Не от нужды он это

делает, а чтобы обратить внимание бедной старухи на собственные силы, на странную зависимость ее греховности от уплаты или неуплаты денег. Старуха появилась на площади после церковной службы, где в церкви привычно отдает копеечки в надежде на облегчение от грехов своей души. И юродивый пародирует эти церковные нравы и обычаи. А вот Годунов, терзаемый душевными бедами и муками, признается в следующем:

...ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.

Стал готовиться Николка к молитве, но мальчишки помешали, отобрали копеечку, так он ее и не закончит, а старуха, не дождавшись и не узнав, уйдет. Ей для ее спокойствия не совесть нужна и не сама реальная молитва, а только воображаемая, по правилам и по законам, и за плату исполненная. Но, может, для успокоения своей души подумала бы старуха, что нужно сделать, чтобы мальчишки, подражая взрослым, не грабили юродивого и не отбирали ее копеечку. И тогда из «старухи» она вновь могла бы обратиться в женщину. Юродивого Николку, не имеющего ни перед кем боязни, можно сравнить с образом Христа: он тот, кем бы мог быть Христос в эти дни и в этом царстве. Он появляется на площади в сопровождении слов:

Чу, шум, не царь ли?

Нет, это юродивый.

Юродивый сравнивается с царем, как Христос с «Царем Небесным». Его высокий железный колпак-шапка – как колокол: «эк она звонит». И он сам, как соборный колокол, возвещает на площади правду людям. Имя Николай означает «победа людей», и его колпак – это венец и корона народного победителя. «Нельзя молиться за царя Ирода» – эти слова обращают нас к евангельским событиям, которые сравниваются с событиями современными, показывают схожесть и повторяемость человеческих деяний и общественных бедствий.

Пушкинская историческая драма, подобно летописи, точно указывает на место и время действия: начало драмы – «Кремлевская палата. 1598 года, 20 февраля»; потом – «Ночь. Келья в Чудовом монастыре. 1603 года»; потом – «Граница Литовская, 1604 года, 16 октября». Время документально и неумолимо движется, и день смерти, день наказания или награды за земную жизнь приближается.

«За славу, за добро...»

Еще одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному.

Это слова старца Пимена, имя которого означает «пастырь». Вот кто искренний учитель и «правитель» людей, жизнь которого – не самозванство, а «долг, завещанный от Бога».

...Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный.

Труд человека продолжает жизнь человека на земле, потому что приносит нынешним и следующим поколениям «благодать и праведность».

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –

А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

Не поклоняться «гробам», а «ведать судьбу земли родной». Тогда есть имя, есть Родина, есть История, есть жизнь памяти и нет смерти забвения.

Но близок день, лампада догорает –
Еще одно, последнее сказанье...

Смерть понуждает к жизни и правде, к праведной жизни, и умирать надо ради правды жизни, а не жить ради лжи и смерти.

Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Никто. А что же? Часто
Златой венец тяжел им становился:
Они его меняли на клубук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.

.....
.....

И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет Господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.

Образ Петра в поэме «Полтава»

*Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужсала с гением Петра.*

Первое и важнейшее, на что мы укажем в изображении Петра, – его нерасторжимое единство с Россией, ее развитием и возрастанием. Двумя годами ранее в «Стансах» (1826), обращенных к новому императору – «во всем будь пращуру подобен», поэт уже указал на цели и значение петровских реформ:

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

Поэтому победа полтавская принадлежит России и Петру, Петру и России, и никак иначе. Личность правителя, его судьба и «судьба народная» стали важнейшей темой драмы «Борис Годунов», но в ней Годунов и Лжедмитрий по честолюбию своему навлекают на Русь смуту и вражеское нашествие, действуя как самозванцы и разбойники. Поэма «Пол-

тава» – о победившей России, о победившем царе Петре, о человеке по имени Петр. Это поэма о сражении, так как только в сражении можно одолеть противника и завоевать свое право двигаться вперед, и это поэма о заслуженной победе, принесшей России ее будущее. В предисловии, напечатанном в первом издании «Полтавы», Пушкин пишет: «Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага; утвердила русское владычество на Юге; обеспечила новые заведения на Севере, и доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем».

Тогда как противник Петра, шведский король Карл, «любовник бранной славы», принадлежит в поэме только своей славе, и потому «славе бесполезной». Мазепа называет Карла «воинственным бродягой», то есть человеком без родины и народа.

Каким же предстает в поэме Пушкина «гений Петра»? Прежде всего, он имеет человеческие достоинства: он вместе с родными казненных Искры и Кочубея «слезы проливает», он «славных пленников ласкает».

Но главное достоинство царя, человека и гражданина Петра проявляется в Полтавском сражении. Появление Петра автор сопровождает божественными эпитетами и божественным присутствием. Знаменательно, что Пушкин дважды называет Петра его именем, а не царским титулом. Не царь, но

Петр вступает в сражение, и не царь, но Петр облечен божественным ореолом.

И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как Божия гроза.

Начинающееся сражение Пушкин уподобляет «делу», и дело это для Петра «божеское». Поэтому в изображении Петра появляются «иконописные черты»: «звучный глас», «лик», «глаза сияют», «он прекрасен». Но это несколько иная иконописность и иная святость, грозная и карающая: «лик его ужасен», «он весь как Божия гроза».

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.

И вновь автор берет неожиданную для характеристики Петра эмоцию: «могущ и радостен», будто тоже взятую с иконы святого на коне. Радость Петра во время боя мож-

но сравнить с «гимном чуме» Вальсингама: «Есть упоение в бою...».

За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова –
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны.

Еще одним главнейшим достоинством награждается Петр: его окружение – это его «товарищи» и «сыны» в их общих «трудах державства и войны».

Написание Пушкиным поэмы о Петре Великом в 1828 году иногда связывают с необходимостью примирения поэта с новым царем и правительством, и поэма, казалось бы, была благожелательно принята наверху. Если брать данное обстоятельство во внимание, то можно увидеть, каким царем желал видеть Пушкин нового самодержца и какие отношения предлагал поэт императору, своему избавителю и личному цензору. Интересно, доходили ли эти предложения до адресата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.